

УДК 1:3,001.8:3

ПРОБЛЕМА ОБЪЯСНЕНИЯ В ИСТОРИИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

И. А. Чурсанова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 апреля 2011 г.

Аннотация: в статье представлено развертывание проблемы исторического объяснения в русле аналитической традиции, которая берет начало от номологической модели К. Гемпеля. Анализ предложенных форм исторического объяснения смыкается с раскрытием попыток обоснования объективности истории как науки в рамках избранного течения в философии.

Ключевые слова: аналитическая философия, номологическая модель, квазикаузальное объяснение, историческое повествование, хроника, прослеживаемость, конфигурирующее понимание.

Abstract: the article presents a deployment problem of historical explanation in the mainstream analytic tradition, which originates from the nomological model K. Hempel. Analysis of the proposed forms of historical explanation merges with the opening of attempts to justify the objectivity of history as a science within the selected course in philosophy.

Key words: analytic philosophy, nomological model, kvazicausal explanation, historical narrative, chronicle, folowability, configures understanding.

В философии и методологии истории проблема соотношения принципов понимания и объяснения до сих пор занимает одно из центральных мест. С ней тесно взаимосвязан еще один аспект исторического познания – его объективность. В первой половине XX в. в аналитической философской традиции сложилось представление, что научность истории напрямую зависит от наличия в ней строгих объяснительных механизмов либо подобных тем, что представлены в естественных науках, либо альтернативных им. Сильное влияние неопозитивизма и структурной лингвистики определили рассмотрение этой проблематики в русле изучения особенностей исторического повествования, природы «высказываний» и «предложений», относящихся к прошлому. Благодаря работам Ф. де Соссюра произошло открытие того факта, что язык «непрозрачен», т.е. не является просто средством для отражения некой экстралингвистической реальности, но сам активно конституирует ту реальность, с которой имеет дело сознание человека. Это поставило новые проблемы в теории историописания. Теперь и решение вопроса об объективности исторического познания помещается в русле анализа повествовательных структур, относящихся к описанию прошлого, и проявляется в форме проблемы исторического объяснения.

Знаковым событием и началом разработки вопросов исторического познания в рамках аналитической традиции стала статья К. Гемпеля «Функция общих законов в истории». Сама позиция Гемпеля была целиком направлена против базовых установок немецкой критической философии, провозгласившей разделение наук о природе и наук о культуре и в предметном, и в методологическом ключе. Он говорит о том, что «общие законы имеют достаточно аналогичные функции и в истории, и в естественных науках», тем самым постулируя единственность номологического объяснения в качестве научного. Однако Гемпель делает оговорку о некой специфике исторического познания, где в силу самоочевидности и обыденности общих законов они не формулируются в явном виде в самой структуре объяснения. В истории мы имеем лишь «наброски объяснения», т.е. построения, основанные на регулярностях, которые, не являясь эксплицитными и верифицируемыми законами, указывают направление, в котором будут найдены более строгие закономерности, и конкретные исследования должны это подтвердить [1, с. 16, 24].

Несмотря на то, что сам Гемпель не заострял внимания на нарративной природе как исторических фактов, так и исторических объяснений, его модель – это в первую очередь попытка воспроизвести структуру исторического текста, т.е. способ конструирования в нем объяснительного эффекта. Но присутствие в ней явных недостатков и упрощений повлекло за собой ослабление изначально бескомпромиссной трактовки. Вылилось оно в следующие положения: во-первых, история не имеет целью установление общих законов, как естествознание, она их включает в структуры своего объяснения, поэтому они и носят имплицитный, неявный характер; во-вторых, из истории не устраним момент отбора, т.е. ограничения материала, зависящий от исследователя, который не устраним также из работы любого ученого; в-третьих, интерпретация реабилитируется как процесс приписывания смысла и значения, т.е. как нечто отличное от объяснения, но остается в зависимом положении от последнего.

Однако расхождение между номологической моделью и фактической методологией исторической науки поставило вопрос об ошибочности самой модели. Работа У. Дрея «Laws and Explanation in History» представляет собой антитезу гемпелевской трактовке исторического объяснения. Критика, проводимая Дреем, идет в двух направлениях: отрицание необходимости включения общего закона в историческое объяснение и демонстрация каузального анализа в истории как действительного способа раскрытия взаимосвязей, свойственного этой науке и формирующего тип «рационального объяснения» как альтернативы номологической модели.

Итак, подведение события под какой-либо общий закон не является необходимым условием исторического объяснения. Приведем многократно используемый в источниках пример. Если историк делает утверждение, что под конец своей жизни Людовик XIV потерял популярность народа из-за проведения вредной для национальных интересов Франции политики, то исходя из номологической модели, мы должны подвести это событие под следующий общий закон: правительства, проводящие

политику, которая наносит вред народу, теряют популярность. Историк в данном случае укажет на то, что он имеет в виду не любую политику, а характерную именно для рассматриваемого положения дел. В связи с этим необходимо дополнить наш закон следующими уточнениями: правители, которые втягивают свою страну в неуспешные войны, преследуют за религиозные убеждения, растрачивают государственную казну на содержание огромного двора и другое, становятся непопулярными. Помимо этих подробностей потребуются еще более детальные. В конце концов, бесконечное уточнение приведет нас к признанию того, что под наш общий закон можно подвести только указанный конкретный случай с королем Людовиком. К тому же в таком виде он уже и не является общим законом, а лишь переформулированным рассуждением самого историка. Получается, что историк объясняет одно частное событие через другое частное событие и чем детальнее его рассуждение, тем дальше оно от каких бы то ни было общих утверждений. Здесь можно увидеть возврат к тезису баденцев о единичности и уникальности исторических событий, но это не совсем так. Историк, используя такие общие понятия, как «война» или «революция», стремится показать, чем одна революция выделяется среди всех остальных событий, объединенных этим названием. То есть здесь скорее параллель с теорией идеальных типов М. Вебера.

Обратимся к каузальному анализу и рациональному типу объяснения. Отрицание номологической модели еще не устраняет наличия в истории объяснения как такового. Установление причинных (каузальных) связей – необходимый компонент исторического исследования. Происходит оно в рамках рационального объяснения, т.е. альтернативного гемпелевской модели. По Дрею, рационально объяснить индивидуальное действие – значит «реконструировать выполненный агентом расчет средств, которые он должен предпочесть для достижения поставленной цели, в свете обстоятельств, в которых он оказался» [2, р. 122]. Схема напоминает аналогичные рассуждения Коллингвуда, утверждавшего, что воспроизвести в своем сознании мысль исторического субъекта равнозначно объяснению его действий. Дрей в данном положении указывает на то, что если мы в состоянии проследить логику, которой руководствовался в своем поведении конкретный исторический субъект, исходящий при этом из каких-то своих убеждений и ценностей, то мы достигнем уровня исторического объяснения. То есть перед историком стоит задача достигнуть некоторого «логического равновесия», в силу которого действие соответствует определенному «расчету». Отличие этого подхода от метода понимания через эмпатию, в дильтеевском смысле, в том, что для достижения этой точки «равновесия», необходимо провести тщательный анализ источников и документов, чтобы как можно подробнее воссоздать конкретную картину обстоятельств, в которых строил свой «расчет» агент и т.п.

Несмотря на позитивную роль, которую сыграла данная концепция исторического объяснения в свое время, она отталкивается от методологического индивидуализма, так как не проясненным остается вопрос о

том, как вписать в эту модель поведение институциональных образований, вроде государств, целых народов и т.д.

Следующим этапом критики номологической модели выступает работа Г. Х. фон Вригта «Логико-философские исследования». Автор делает попытку объединить каузальную модель объяснения с телеологическим умозаключением («практическим силлогизмом» в аристотелевской терминологии) в рамках *квазикаузального* объяснения, которое он выделяет в качестве типичного для гуманитарных наук. Вригт видит две базовые традиции в формировании социогуманитарного познания: идущая от Аристотеля так называемая телеологическая или финалистская модель объяснения и связанная с именами Платона и Галилея – каузальная или механистическая модель объяснения. Из их противостояния, по мнению автора, возникла в немецкой критической философии оппозиция объяснения и понимания. Ее-то он и пытается снять, предлагая некий синтез двух этих тенденций в теории *квазикаузального* объяснения.

За отправную точку своего исследования Вригт берет отношения обусловленности между предшествующими и последующими состояниями в динамической системе (будь то развитие одного явления или история в целом). Он представляет свой формально-логический аппарат, с помощью которого будет проводить анализ. Допустим, что существует множество «родовых логически независимых положений дел» (например, «светит солнце», «дверь открыта» и т.д.), которые реализуются, образуя локализации в пространстве и времени, и если мы представим себе конечное количество всех таких локализаций, то представим «полное состояние» или «возможный мир» [3, р. 90]. Язык пропозициональной логики вполне приспособлен для описания такого мира путем конструирования предложений, выражающих положение дел. И, как пишет Вригт: «Рассматриваемое множество положений дел я буду также называть «пространством состояний». <...> Допустим, что полное состояние мира в данном случае можно описать путем установления любого данного элемента некоторого пространства состояний, независимо от того, получается он или нет в этом случае. Удовлетворяющий этому условию мир можно назвать «миром Трактата». Именно такого рода мир исследовал Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате»» [3, р. 79–80]. Это всего лишь удобная для изучения модель, в которой «положения дел» – «онтологические кирпичики», из которых составлен изучаемый мир. Далее Вригт вводит в свою логику принцип развития: «К алфавиту ПЛ (пропозициональной логики. – И. Ч.) добавляется новый символ T , представляющий бинарную связку. Выражение « $p T q$ » читается так: «Сейчас происходит событие p , а затем, т.е. в следующий момент, происходит событие q » [3, р. 80]. Причем p и q могут являться описаниями состояний, внутри которых также есть временная связка. Таким образом, конструируются цепочки формул, описывающих состояния, через которые проходит мир, т.е. конструируются фрагменты истории мира. Автор показывает это на схеме, благодаря которой видно, что модель не отрицает существования альтернативных векторов движения системы. В совокупности

мы имеем план развития взаимообусловленных процессов, который должен стать предметом каузального анализа. Последний же включает в себя рассмотрение причин наступления того или иного положения дел в терминах необходимых и достаточных условий. От каузального анализа возможен переход к каузальному объяснению. Если в анализе мы изучаем отношения обусловленности внутри системы, то в объяснении дается «некоторый родовой феномен (событие, процесс, состояние), и мы ищем систему, в которой этот (родовой) феномен, *экспланандум*, связан с другими через некоторое отношение обусловленности» [3, р. 90]. Применение к каузальному объяснению различия между необходимыми и достаточными условиями дает нам тот тип объяснения, который используется в историческом познании. Именно в терминах необходимого условия мы в каузальном объяснении отвечаем на вопрос: как было возможно, что данное положение дел наступило? То есть, как замечает Вригт, мы здесь допускаем ретросказание: исходя из того факта, что нечто произошло, мы заключаем, что в прошлом имело место необходимое для этого условие, и ищем его следы в настоящем. И здесь же Вригт начинает говорить о соединении каузального объяснения с теорией действия, вводя понятия *вмешательства* и *закрытости* системы. Закрытая система – это последовательность случаев с заданным начальным этапом, которая развертывается в несколько этапов по одной из возможных схем, причем ни на одном из них состояние системы не имеет своего достаточного условия вне системы. Действие же или *вмешательство* реализует иной тип закрытости, когда его агент как бы изолирует систему в исходном состоянии и раскрывает ее дальнейшие возможности развития. Это вмешательство осуществляется в точке пересечения возможностей агента и возможностей самой системы. Есть начальное состояние системы, как пишет Вригт: «... это состояние А, причем на основе прошлого опыта мы уверены в том, что А не перейдет в а, если мы не переведем его в а. Допустим также, что (мы знаем, что) мы *можем* это сделать» [3, р. 95]. В итоге мы имеем возможность изолировать фрагмент истории мира, превращая его в закрытую систему, и получаем знание о возможных (и необходимых) механизмах, управляющих системой изнутри, отчасти через неоднократное приведение системы в движение, воспроизводя ее начальное состояние и затем, наблюдая за последовательными стадиями ее развития, и отчасти путем сравнения этих последовательных стадий с другими, которые система проходит при своем развитии из других начальных состояний. Здесь фон Вригт связывает вместе понятия действия и причинности и отсылает к древней языковой традиции, в которой «греческое слово «причина» [*aitia*] означает одновременно и вину» [3, р. 99]. То есть агент действия своим вмешательством изменяет ход событий, и он ответствен за это изменение. В структуре выражения *совершить действие* Вригт, вслед за А. Данто, выделяет два момента: «То, что совершено, есть результат действия; то, что вызвано, последствия действия» [3, р. 101]. Таким образом, существует логическая связь между действием и его результатом и каузальная связь между действием и его последствиями.

Расширение этой исходной логической модели на область исторического исследования обусловлено введением понятия интенциональности действия. Это сближает каузальное объяснение с телеологическим. Интенция – это мотив действия, между которыми существует внутренний механизм связи, имеющий телеологический характер. В этом случае телеологическое объяснение представляет собой практический силлогизм наоборот. Например: «А намеревается осуществить (вызвать) *p*. А считает, что он не сможет осуществить *p*, если он не совершит *a*. Следовательно, А принимается за совершение *a*» – это практический силлогизм [3, р. 127–128]. Но если мы строим умозаключение: А совершает *a*, потому что у А есть намерение вызвать *p*, то здесь мы имеем телеологическое объяснение, где заключение практического вывода является посылкой, а его большая посылка – заключением. Таким образом, чтобы стать телеологически объяснимым, действие должно быть сначала интенционально понято. Вригт говорит об интенциональном описании, в котором формулируется объясняемое действие, и телеологическом объяснении, как перевернутом практическом выводе. Итог, к которому он приходит, заключается в том, что телеологическому объяснению действия обычно предшествует интенциональное понимание некоторого образца поведения. Обращаясь к проблеме объяснения в истории, Вригт вводит термин *квазикаузальное объяснение*. Оно имеет формулу: «это произошло, потому что...». Например, первая мировая война началась, потому что было совершено убийство австрийского эрцгерцога в Сараево. Оно является каузальным, так как эксплананс соотносится с фактом, который предшествовал событию, отраженному в экспланандуме. Однако оно является квазикаузальным, так как не включает требования истинности соответствующей номической связи (нет закона, что убийство определенной особы всегда приводит к началу войны), и второе высказывание имплицитно включает в себя телеологическую структуру, состоящую из последовательности взаимосвязанных практических выводов. «В результате выстрела создалась *новая ситуация*. В этой новой ситуации при тех же намерениях и целях (Австрийского правительства) *стало* необходимым действие, которое не было необходимым ранее. Можно было бы сказать, что это событие, т.е. убийство, «привело в действие» или «высвободило» «латентный» практический вывод. Заключение этого вывода, т.е. предъявление ультиматума, создало другую ситуацию, в которой был сделан новый практический вывод (русским правительством), в свою очередь приведший к новой ситуации (мобилизации), а последняя побудила к дальнейшим практическим выводам, окончательным «заключением» которых явилось возникновение войны» [3, р. 172–173]. Получается, что в рассматриваемом случае основная цель историка – проследить, каким образом убийство вызвало возникновение войны, связать между собой причину и следствие. Характерно, что за внешне каузальными отношениями между явлениями скрываются телеологические связи. Поэтому такое объяснение Вригт и называет *квазикаузальным*.

Предложенная модель исторического объяснения, разумеется, сложнее, нежели реконструкция рационального расчета у У. Дрея, но, с другой стороны, она не создает впечатления сильной логической модели, это скорее соединение нескольких различных типов объяснения, используемых в истории. При этом Вригт раскрывает нецелесообразность разведения процедур понимания и объяснения по разным областям знания. В истории также имеет место и то, и другое, что и показано им в попытке построения логической модели квазикаузального объяснения. Интересен один из выходов его исследования к такой проблеме, как переосмысление уже известных исторических фактов в свете более поздних событий. То есть историк вполне может раскрыть новое значение уже проинтерпретированного материала только в силу того, что оно – это значение – фактически стало возможно в исследовании именно этого историка, из его временного периода. По мнению автора, «поскольку полностью будущее нам неизвестно, мы и не можем сейчас знать все характеристики настоящего и прошлого» [3, р. 184]. Интерес к этой особенности процесса исторического познания составляет важную часть в исследованиях другого представителя аналитической традиции – А. Данто.

В работе «Аналитическая философия истории» А. Данто дает анализ нарративной природы исторических высказываний или повествовательных предложений о прошлом. Он не углубляется в гносеологическую проблематику исторической науки, но старается обосновать некие концептуальные рамки, в которых замыкается наше употребление предложений в прошедшем времени.

В начале исследования автор категорически отграничивает сферу субстантивной философии истории от сферы исследований аналитического характера. Ибо, как он пишет, философ истории «рассуждает в терминах всей истории и, опираясь только на известный ему фрагмент, пытается, с одной стороны, открыть структуру всей исторической целостности, которую он экстраполирует в будущее, а с другой стороны, в свете этой целостной структуры установить значение событий прошлого» [4, с. 18]. Это крайне проблематично, так как знание подобного рода, обычно представленное в виде теории, стремится применить к будущему термины, с помощью которых структурировалось прошлое. Оно претендует на знание того, что еще не произошло, на знание всей истории. Тем самым субстантивная философия истории лишает себя контекстуальной структуры, в рамках которой имеет смысл только историческое исследование, так как «для истории в целом не существует более широкого контекста, чем она сама»; выходя за его рамки, мы выходим за рамки истории в область спекуляций.

Любое описание прошлого, как отмечает автор, «существенно неполно». Отличительной чертой любого исторического повествовательного предложения является то, что оно включает в себя три временные позиции: «позиция описываемого события, позиция события, по отношению к которому описывается первое событие, позиция нарратива» [5, с. 169]. То есть историк практически всегда при освещении одного события использует ссылку на другое, отстоящее от первого по времени в будущем,

но для самого историка также являющегося уже прошедшей реальностью, что и отмечает Данто: «... события постоянно пере-писываются, а их значение пере-оценивается в свете более поздней информации» [4, с. 20]. Благодаря обладанию знанием того, что произошло после непосредственно интересующего его события, историк может сказать нечто такое, чего не смогли бы сказать очевидцы и современники, например: «Автор «Племянника Рамо» родился в 1713 году»; «Аристарх в 270 году до нашей эры предвосхитил теорию, изложенную Коперником в 1543 году нашей эры». Следовательно, спрашивать о значении события в истории – значит, ставить вопрос, на который можно дать ответ только в контексте относительно завершенного рассказа. Одно и то же событие может приобретать разное значение в зависимости от структуры рассказа, в который оно вплетено, или, точнее, в соответствии с разными множествами более поздних событий, к которым его можно привязать. Таким образом, к идее неизменности и статичности прошлого А. Данто прибавляет суждение, что «возможно, прошлое и не изменяется, но изменяется наш способ его организации» [4, с. 162]. Самым, наверное, воспроизводимым моментом из рассуждений Данто по поводу этой проблемы является его пример Идеального хрониста, который был бы в состоянии регистрировать то, что произошло, и в том порядке, в котором оно произошло, ничего не добавляя и не отнимая, создавая тем самым полное и хронологически последовательное описание прошлого. Но для любого события существует класс описаний, которые не могут быть результатом наблюдения, следовательно, должны исключаться из Идеальной хроники. Полное знание о событии иногда становится возможным лишь гораздо позже самого события, и такую историю может написать только историк. Знание будущего, которое отсутствует у Идеального хрониста, ставит его в менее выгодную позицию, чем исследователя, обладающего им.

Как отмечает Рикер, из этих рассуждений Данто следует интересная эпистемологическая импликация, позволяющая отличить собственно нарративное описание от обычного описания действия. Если в модели У. Дрея постулировалась необходимость реконструкции рационального расчета актора действия в момент его свершения без учета его результата, т.е. свершилось оно или так и не достигло своей цели, то в анализе исторических высказываний их истинность в отношении последующих событий важна для самого смысла повествовательного описания. Таким образом, «теория повествовательного предложения имеет различающее значение по отношению к дискурсу о действии в обычном языке» [5, с. 170]. Различающим моментом оказывается ретроактивная переориентация прошлого, осуществляемая чисто повествовательным описанием действия. По мере перемещения акцента на непредвиденные последствия в истории снижается значение интенциональности самого действия. И тут снова играет роль то, что для историка важно постигать события не так, как это делают современники, а в свете более поздних явлений и процессов, в качестве временных частей целого. Это высвечивает особенности именно нарративного описания.

В связи с проведенным анализом повествовательных предложений А. Данто приходит к выводу о неразличимости описания и объяснения в истории. Рассказ – это нечто большее, чем сообщение о событии в порядке их появления. Связность исторического повествования сама по себе подразумевает наличие объяснительных механизмов, так как простой перечень разрозненных фактов трудно назвать историей. Объяснение и описание того, что произошло, в данном случае совпадают: «...рассказ, который не может объяснить, это меньше, чем рассказ; рассказ, который объясняет, – это просто рассказ» [5, с. 172]. И здесь Данто, обращаясь к номологической модели К. Гемпеля, не отвергает ее, как это делает, например, тот же Дрей, но принимает с существенными оговорками. По его мнению, Гемпель в своем анализе упустил из виду центральную прагматическую сторону проблемы объяснения. Историки стремятся показать нам, почему события происходили так, а не иначе, и, следовательно, они всегда описывают некоторое изменение. В этом случае «рассказ – это описание, я бы сказал, объяснение того, как происходило изменение от начала до конца, при этом и начало, и конец являются частями экспланандума» [4, с. 221]. У нас есть растянутое во времени изменение, которому и нужно найти причину.

Если Гемпель говорил о набросках объяснения в истории, где присутствует дедуктивный вывод из некоторых обобщений (замещающих законы, имеющие место в естественных науках), но либо не совсем строгого вида, либо, по сути, тривиальных, то Данто представляет этот механизм немного иначе: «повествования – это не столько наброски объяснения, отмечающие место, где следует вставить законы, напротив, их следует рассматривать как результаты, добавление в наброски объяснения общих законов, отмечающих место, где нужно вставить описание события» [4, с. 225]. Иными словами, мы представляем себе тот общий закон, который объясняет такого рода изменение, но не совсем точно знаем, что же именно произошло, и мы заменяем общее знание конкретным описанием событий – вот это и есть набросок объяснения. Для истории характерна организация прошлого во временные целостности, где начало повествования часто обусловлено его концом. Историк, выстраивая свой нарратив, одновременно объясняет некоторые изменения, которые происходят с непрерывным историческим объектом. Если же в его повествовании проявляется действие общих законов, то это второстепенное явление, так как «эксплананс (то, что, по Гемпелю, должно содержать общий закон. – *И. Ч.*) функционирует в экспланандуме, который уже является рассказом, т.е. уже «охвачен» описанием, равнозначным объяснению» [5, с. 172–173].

Концепция Данто, отгалкивающаяся от анализа повествовательных предложений, впервые делает объектом исследования непосредственно нарративную природу исторических построений, т.е. рассматривает языковые механизмы возникновения исторических понятий. Однако Данто не идет дальше анализа структуры повествовательных предложений, не выходит на уровень рассказа как целостности. Вопрос об отношении между текстом и отдельными предложениями не ставится.

Несмотря на то, что двойная референция повествовательного предложения непосредственно к описываемому событию и к последующему событию, в свете которого производится описание, представляет собой хороший критерий для дифференциации от других описаний действий, например по отношению к реконструкции рационального расчета, все же упоминание о различии между двумя временными локализациями исторических явлений недостаточно для характеристики рассказа или повествования как связи между событиями. В работах У. Э. Гэлли делается попытка преодолеть этот недостаток концепции Данто с помощью введения понятия прослеживаемости (*followability*) истории. Объяснение, как отмечает автор, не возникает самостоятельно и независимо от определенного исторического дискурса, имеющего, как правило, повествовательную форму. Это означает, что нарративная форма истории обуславливает объяснение изложенных в рамках нее событий. Как это происходит? На этот вопрос и должно ответить понятие прослеживаемой истории.

История есть описание последовательности действий некоторого числа персонажей, погруженных в определенные ситуации, которые меняются, чем вызывают какие-либо реакции со стороны этих персонажей. В процессе раскрываются ранее неизвестные стороны ситуации и характеров, возникают новые испытания и, наконец, все это чем-то завершается. Прослеживать историю в таком случае означает понимать последовательные действия, мысли, чувства как составляющие особое направление. В этом процессе тесно сопряжены понимание и объяснение, как пишет Гэлли: «В идеале история должна была бы сама себя объяснять» [цит. по: 5, с. 174]. Однако моменты разрыва, остановки и поворота событий требуют дополнения понимания объяснением. Так мы в состоянии проследить историю до ее завершения (разумеется, имеется в виду некий относительно самостоятельный фрагмент исторического прошлого). Это завершение, как считает автор, должно быть приемлемым, т.е. возвращаясь затем к началу рассказа, мы должны иметь возможность сказать, что такой финал требовал именно такой цепи событий. Как же в таком случае связать с понятием приемлемого завершения наличие случайностей в истории? По мнению Гэлли, случайность как таковая не приемлема только для разума, сопрягающего понимание с идеей господства, а прослеживать историю – значит, «в конечном счете находить события приемлемыми» [цит. по: 5, с. 175]. Здесь акцент делается не на законности процесса, а на соединении случайности и приемлемости.

Историческое произведение нацелено на повествовательную форму по самой своей природе, и именно акт прослеживания рассказа обеспечивает ее внутреннее единство, следовательно, «1) чтение историй, написанных историками, производно от нашего умения прослеживать истории; мы прослеживаем их от начала до конца; и мы прослеживаем их в свете их завершения, которое можно предугадать или предвидеть сквозь серию случайных событий; 2) соответственно, сюжеты этих историй достойны того, чтобы их рассказывали, а рассказы – того, чтобы их прослеживали, ибо эти сюжеты, даже если они очень далеки от на-

ших теперешних чувств, представляют для нас, поскольку мы являемся людьми, определенный интерес» [5, с. 176]. Именно исходя из этих двух черт, вполне правомерно отнести историографию к одному из видов рода рассказанной истории.

Обращаясь к проблеме правомерности гемпелевской номологической модели, Гэлли формулирует такую позицию: историк пользуется общими законами не для устранения случайностей, а для лучшего понимания их содействия ходу истории. Его задача не в выведении дедуктивных следствий и формировании на их основе определенных предсказаний, а в том, чтобы лучше понять сложность переплетения разных тенденций и мотивов в случае того или иного события. В этом состоит отличие историка от естествовника: он не стремится к расширению области обобщений в истории через редукцию случайностей. Историк стремится лучше понять то, что произошло. И в этом случае ему необходимо уметь вписать случайности в структуру приемлемого рассказа, в схему целого. Следовательно, объяснение нужно лишь для того, чтобы дать нам возможность как можно лучше проследивать историю, т.е. выступает на первый план там, где становится недостаточно понимания, где нам трудно распознать связь между событиями.

Как отмечает Рикер, писание истории – это всегда ее переписывание, и все загадочное и проблемное, с чем сталкивается историк, становится вызовом по отношению к тому, что в его глазах делает ход событий приемлемым. Именно при пересмотре предшествующих конструкций историк приближается к номологической модели. Столкнувшись с неожиданным поворотом событий, он сконструирует модель нормального, т.е. приемлемого, хода действия и проанализирует, насколько поведение акторов действия отклоняется от нее. Часто в этом случае историк предлагает объяснение, недоступное, с одной стороны, самим акторам и отсутствующее во всех предыдущих рассказах этой истории – с другой. Тут объяснение равнозначно обоснованию переориентации исторического внимания, к переоценке всего хода событий. «Великий историк – тот, кому удастся сделать приемлемым новый способ проследивания истории» [5, с. 180]. Однако объяснение в концепции Гэлли не выходит за рамки побочной функции исторического исследования, которая активируется только в случае недостатка понимания, специфика которого как исторического метода, в свою очередь, вообще остается не раскрытой.

Наиболее кардинальные взгляды относительно роли нарративной структуры исторического рассказа представлены в статьях Л. О. Минка.

Он начинает с критики позиции Гэлли, в соответствии с которой в историческом нарративе присутствуют моменты разрыва, где встает вопрос о дальнейшем ходе событий, появляется загадка. Минк на это отвечает тем, что все исторические сюжеты уже более или менее известны читателю, и вряд ли существуют в истории финалы, о которых еще не известно. Поэтому соотношение понимания и объяснения, по его мнению, представляет собой нечто иное, нежели то, что полагал Гэлли.

Минк обращает внимание на то, что объяснить что-то в истории не тождественно объяснению, например в физике. В истории событие объясня-

ется через описание его внутренних отношений с другими событиями, через помещение его в определенный исторический контекст. Именно поэтому выводы, к которым приходит историк не несут в себе всеобщего знания, как в естественных науках, а неотделимы от его произведения, так как целостный рассказ и является основой этих выводов. Они скорее предъявляются повествовательным порядком, нежели доказываются. По мнению Минка, «реальное значение обеспечивается полным контекстом» и историческое понимание сводится к тому, чтобы «понять сложное событие, постигая вместе события в целостном и синоптическом суждении, которого не может заменить никакая аналитическая техника» [цит. по: 5, с. 181]. Гэлли ошибается, говоря, что ситуация незнания и неререфлексивная деятельность по простому прослеживанию истории не характерны для профессионального историка. Писание истории – это действительно всегда ее переписывание. История начинается там, где уже известен финал, и ее задача не в акцентировании случайностей, а в их интегрировании в контекст. С точки зрения Мейера, историческое исследование всегда идет путем, обратным тому, которым после него пойдет повествование – историк идет по следам в обратном направлении, а в таком движении нет места случайности.

Минк говорит о существовании трех способов понимания: теоретического, категориального и конфигурирующего. В соответствии с теоретическим способом, используемым в науке, объект или явление понимается как случай или пример общей теории. В соответствии с категориальным способом понимание объекта связано с включением его в определенную систему понятий и категорий, с отнесением его к какому-либо роду объектов. Такой способ понимания берет начало в философии Платона. Наконец, конфигурирующий способ подразумевает помещение объекта в единый и конкретный комплекс отношений, что свойственно историческому повествованию. Здесь понимание определяется как «постижение вместе в одном-единственном мыслительном акте вещей, которые не даны и даже не могут быть даны в опыте совместно, ибо они разделены во времени, в пространстве или с логической точки зрения. Способность совершить этот акт – необходимое (хотя и недостаточное) условие понимания» [цит. по: 5, с. 181]. Как отмечает Кукарцева: «Историческое понимание стало напоминать скорее восприятие музыкальной композиции, чем проникновение в суть геометрического рисунка, а «синоптическое суждение» историка как способность репрезентировать сразу весь хронологический поток последовательно произошедших событий трансформировалось в форму нарратива» [6, с. 123]. В акте конфигурирующего понимания, по Минку, действие и событие, хотя и представляются происходящими во времени, должны быть схвачены, как говорится, в едином акте как взаимообусловленные в сфере значения. Такой подход, упраздняющий временной характер исторического понимания, в конечном счете подразумевает упразднение природы самого повествования как *развертывания* рассказа.

Как ни странно, подход Минка, на наш взгляд, смыкается с выводами критической или скорее герменевтической традиции немецкого истори-

цизма. Его понятие конфигурирующего понимания отсылает ко второй половине формулировки герменевтического круга: интерпретации части в свете целого. Схватывание сути событий в единстве их отношений и переплетений в историческом прошлом – это уже полное отрицание номологической модели всеохватывающего закона К. Гемпеля, с одной стороны, и одновременно порывание с аналитической традицией в философии истории – с другой. Однако именно акцентирование внимания на историческом тексте как целостности, структурированной таким образом, что через нее понимается каждый отдельный сюжет этого повествования, более того, что через нее он только и приобретает смысл, становится той идеей, вокруг которой концентрируется новое течение в историографии, появившееся под именем «лингвистического поворота» в социальных науках.

Если проблема формирования исторических понятий в первой половине XX в. в рамках немецкой критической философии и французской историографии поставила вопрос о соотношении процедур понимания и объяснения в сфере гуманитарного познания, в частности исторического, на уровне методологического самоопределения этой сферы знания, то в аналитической традиции произошло смещение фокуса исследовательского интереса к детальному анализу их воплощения в исторических текстах. Понимание и объяснение при таком подходе признаются вплетенными в структуру повествования, и изучение этой структуры гарантирует раскрытие действия этих механизмов познания. На первый план здесь выходят такие характеристики истории, как последовательность, рассказываемость, прослеживаемость и др. Все они отсылают к истории, как к повествованию, в котором имплицитно уже содержится некоторое объяснение событий прошлого. Этой особенностью история и отличается от простой хроники.

Литература

1. Гемпель К. Г. Логика объяснения / К. Г. Гемпель. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1998.
2. Drey W. *Laws and Explanation in History* / W. Drey. – London : Oxford, 1957.
3. Wright G. H. *Von. Explanation and Understanding* / G. H. Wright. – London : Oxford, 1971.
4. Данто А. Аналитическая философия истории / А. Данто. – М. : Идея-Пресс, 2002.
5. Рикер П. *Время и рассказ* / П. Рикер. – М. ; СПб. : Университетская книга, 1998.
6. Кукарцева М. Начало лингвистического поворота в историописании / М. Кукарцева // *Monstera* № 4. Философские проблемы социально-гуманитарного знания. – М. : МГТУ «МАМИ», 2004.

Воронежский государственный университет

Чурсанова И. А. аспирантка кафедры истории философии

E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru

Тел.: 8-952-541-77-07

Voronezh State University

Chursanova I. A., Post-graduate Student of the History of Philosophy Department

E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru

Tel.: 8-952-541-77-07